

•
ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО
•

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ЕКАТЕРИНЫ БАРСОВОЙ
В СЕРИИ «ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ПРОШЛОГО»:

ПРОКЛЯТИЕ ТИТАНИКА
ГРААЛЬ КЛАНА КЕННЕДИ
НОЧЬ НА ПЕРЕВАЛЕ ДЯТЛОВА
РОКОВОЕ ПРОРОЧЕСТВО
РАСПУТИНА
ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЮБОВЬ
МАКСИМА ГОРЬКОГО
ЗАВЕТНЫЙ КОВЧЕГ ГУМИЛЕВА

ЕКАТЕРИНА

БАРСОВА

ЗАВЕТНЫЙ КОВЧЕГ
• ГУМИЛЕВА •

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Оформление серии *С. Груздева*

Барсова, Екатерина.

Б26 Заветный ковчег Гумилева / Екатерина Барсова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. (Великие тайны прошлого. Детективы Е. Барсовой).

ISBN 978-5-04-092813-2

Изучая свою родословную, Маша заинтересовалась судьбой двоюродной прабабушки Ариадны Брониславской. Ариадна работала в знаменитом институте крови Александра Богданова, была видным ученым, но в конце двадцатых годов исчезла, и сведений о ней Маша не смогла найти ни в одном архиве. Случай свел ее с Василием и Анной из историко-консультативного центра «Клио», и они взялись выяснить, что же на самом деле произошло с Ариадной. В поисках информации о ней молодые историки пришли к сенсационным открытиям: Брониславская была знакома с Николаем Гумилевым и, выполняя последнюю волю поэта, отправилась в Африку, чтобы отыскать некий артефакт, который сможет изменить ход истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Барсова Е., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-092813-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ΠΡΟΛΟΓ

Жозефина встала из-за компьютера и подошла к окну. За окном царила ночь, но спать не хотелось. Она вгляделась в ночной пейзаж. Вдруг дома с решетками, звезды, деревья и даже тусклые фонари — все двинулось со своих мест.

Жозефина провела по лбу ладонью. Оптический эффект объяснялся очень просто. Она переутомилась, глаза устали от компьютерного экрана, и сейчас у нее сильно кружилась голова. Кофе уже не помогал. Почти шесть часов непрерывной работы сделали свое дело. Если она сейчас не ляжет спать, то опустится на пол и уже не встанет.

От размышлений Жозефину отвлек звук на кухне. Наверняка это Конт, большой бело-черный кот со свирепым выражением морды, вновь прыгнул на шкаф и что-нибудь непременно свалил. Жозефина баловала кота, она жила одна, и кот был ее собеседником, другом, ребенком и вообще существом, с которым можно поделиться своими горестями, невзгодами, радостями и открытиями.

Жозефина направилась на кухню. Конт сидел на шкафу и снисходительно смотрел на хозяйку сверху вниз. На полу валялась пластмассовая игрушка Деда Мороза–Ноеля.

— Ах ты, разбойник, — покачала головой Жозефина, поднимая игрушку. — Стоит мне отвлечься, как ты хулиганишь.

Кот слушал ее внимательно, но никакой реакции не выдавал. Жозефина открыла холодильник, достала молока и налила его в стакан. Конечно, для бодрости следовало выпить еще кофе. Но ей даже смотреть на этот напиток было противно, не то что вдыхать его аромат. За последний день Жозефина выпила не меньше десяти чашек кофе, кажется, еще одна порция, и сердце не справится с нагрузкой.

Нет, положительно, надо идти спать и попытаться уснуть. До утра осталось всего каких-то четыре часа. Если она не поспит, то на работу придет вялая и уставшая. Шефу это не понравится.

Допив молоко, Жозефина пошла в спальню. Компьютер она не выключила, и на экране мерцала сложная схема со стрелочками, кружочками и волнистыми линиями, в центре которой красовался герб династии Романовых.

Через два дня открытие научной конференции, нужно присмотреться к участникам. Вдруг кто-то еще занимается этой темой, подумала Жозефина перед тем, как закрыть глаза.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
БЕЗ НАКАЗАНИЯ

●

ЯРОСЛАВЛЬ — МОСКВА.
НАШИ ДНИ

Мария шмыгнула носом и еще раз внимательно прочитала сообщение. Внешне было не придрататься.

«Привет! (Веселый смайлик.) Как дела? (Два вопросительных знака. Почему — два? Дрогнула рука и он поставил лишний? Или хотел подчеркнуть, что ему страшно интересно знать, как у нее дела, хотя они недавно общались?) Я нахожусь в очень красивом месте. Как ты думаешь, в каком? (На этот раз вопросительный знак один. И смайлик с дурашливой улыбкой.) Подсказка: место, откуда виден Париж. (И подмигивание.) Эйфелева башня! Даже не ломай голову. (Снова — подмигивание)».

Маша и не собиралась ломать голову. Вот еще!

Далее текст гласил: «Здесь все офигительно! (Смайлик.) Возвращаться не хочется. Но скоро вернусь. (И маленький значок: букет цветов.) Целую, обнимаю».

Обычное сообщение. Что Машу взволновало? Непонятно. Ее молодой человек Вадим Куприянов уехал в командировку в Париж на три дня. На международную научную конференцию.

Один день уже пролетел. Через два дня Вадим вернется. И чтобы эти дни прошли быстрее, Маша решила отправиться в Ярославль к дальней род-

ственнице, поездку к которой все время откладывала на потом. Почему бы не развеяться и не порадовать тетушку?

Все было хорошо, и даже прекрасно, Тамара Владимировна встретила гостью домашними пирогами — нежными, тающими во рту, с румяной корочкой, как Маша любила. Особенно вкусными были пироги с картошкой и луком.

Год назад Тамаре Владимировне исполнилось семьдесят два года, но выглядела она прекрасно: седые волосы аккуратно уложены, лицо с тонкими чертами ухоженное, изящные руки бывшей пианистки с хорошим маникюром. Тамара Владимировна долгое время преподавала музыку в музыкальной школе. И всего лишь пять лет назад оставила это занятие. Возраст есть возраст.

После обеда Маша решила отправиться на прогулку, тетушка хотела было составить ей компанию, но Маша отказалась:

— Мы обязательно с вами погуляем, завтра по набережной. А сегодня я хочу пройтись одна, осмотреть город самостоятельно.

На самом деле Маша собиралась навестить одного знакомого, но решила сохранить этот визит в тайне, чтобы Тамара Владимировна не обижалась, что она проводит время не с ней.

Перед выходом Маша мельком посмотрела на себя в зеркало.

Темные, слегка вьющиеся волосы, полные губы, симпатичное лицо. Вот только глаза — грустные. Она улыбнулась своему отражению, надеясь, что это поможет поднять настроение.

Виктор Степанович жил на окраине города. Следовало бы позвонить перед тем, как идти, но Маша хотела сделать ему сюрприз. К счастью, Виктор Степанович оказался дома.

— Машенька! — обрадовался он. — Проходи! Вот тапочки, вот вешалка. Раздевайся, и идем пить чай. Я как раз купил вкусный пирог с вишней. Словно предвидел твой визит. На старости лет телепатом заделался, ей-богу! Почаевничаем не спеша. Или ты куда торопишься?

— Нет. Могу себе позволить не торопиться, — улыбнулась Маша. — Спешку и суету оставила в Москве.

— И правильно сделала, — кивнул Виктор Степанович. — От всего надо отдыхать. В том числе и от Москвы. Ты мне позвонила неделю назад, сказала, что, возможно, приедешь, но как-то неопределенно. И ведь могла бы меня сегодня и не застать, я собирался навестить брата в Костроме.

— Я до последнего не знала — вырвусь сюда или нет. Все получилось спонтанно.

— Понимаю. И рад, что все так удачно сложилось. Чайник сейчас вскипит.

Кухня была маленькая, даже повернуться негде. Хозяин суетился у плиты. А Мария подумала, что редко испытывала такое умиротворение. Если закрыть глаза, то можно перенестись в детство, когда бабушка также хлопотала на кухне и заваривала вкуснейший чай с медом и липой. Бабушка... Маша улыбнулась.

— Что-то хорошее, смотрю, вспомнила, — сказал Виктор Степанович. — Так славно улыбаешься.

— Это точно! Бабушку вспомнила...

— С чем чай будешь? У меня тут целая россыпь трав. Есть липа... А где-то еще мед был. Нет ничего лучше, чем чай с медом и липой.

Маша рассмеялась.

— Я только что думала о меде и липе.

— Вот и хорошо. Наше подсознание иногда дает нам замечательные подсказки. Надо этим пользоваться.

— К сожалению, это бывает редко.

— Да, мы свои внутренние голоса заглушаем суетой, пустяками, пустословием. Обрати внимание: как много и в основном не по делу мы говорим. Впрочем, это не относится к тебе, Машенька, — галантно поправился Виктор Степанович. — Я говорю о людях в целом.

— Относится! Еще как относится! — усмехнулась Маша. — Я такая же, как все: трачу время на пустяки вместо того, чтобы заниматься серьезными делами. Так что побольше ругайте меня. Авось исправлюсь. И выйдет из меня толк.

После чая с пирогом Виктор Степанович пригласил Машу в гостиную. Эта маленькая комнатка осталась именно такой, как Маша запомнила: в углу старинная этажерка — из красного дерева, шкаф — с красивой посудой, фотографиями и фарфоровыми статуэтками. Вдоль стен — полки с книгами.

У Виктора Степановича была отличная библиотека, оставшаяся еще от отца.

— Садись, Машенька. Как же ты похожа на свою прабабушку! — не удержался он. — Вылитая Ариадна Федоровна. Как на фотографии.

— Спасибо, — улыбнулась Мария. — Но мне до нее далеко. Она была умница, красавица...

— Машенька! — всплеснул руками Виктор Степанович. — А кто сомневается в твоём уме и прекрасных внешних данных? Никто!

— Это я кокетничаю, — улыбнулась Мария. — Вы уж меня простите.

Она опустилась в мягкое кресло и подперла щеку рукой.

Виктор Степанович остановился около книжных полок и, протянув руку, достал старую толстую тетрадь.

— На чем мы остановились?

— На тысяча семнадцатом годе. Упоминается некий Груссель.

— Кажется, это имя всплывает в исследованиях Вадима, — заметила Маша.

— Позвони и уточни у него, — предложил Виктор Степанович.

— Не могу, он сейчас на одной конференции во Франции. Не хочу лишний раз беспокоить.

Виктор Степанович проницательно посмотрел на нее сквозь очки и спросил:

— Только в этом дело?

— Только в этом! — нахмурилась Маша.

Тетрадь в руках Виктора Степановича была дневником, который прислал ему один старый друг, работавший в краеведческом музее. В музей этот дневник, вместе с другими бумагами умершей бабушки, передали родственники. Мол, хранился в их семье с незапамятных времен. Виктор Степанович с Машей с интересом эту находку изучали. Ведь записи в дневнике касались их предков.

— Следы Ариадны Федоровны затерялись, — вздохнула Маша.

Виктор Степанович развел руками.

— Увы! Время было такое. Все всего боялись. Рушился старый мир: семьи, устои. Традиции... Нам сейчас, честно говоря, трудно себе представить: как это было. Мы привыкли воспринимать революцию, разруху, гражданскую войну... как набор слов. Наш взгляд из сегодняшнего дня, когда у нас есть крыша над головой, есть еда на столе и есть уверенность, что ты выйдешь на улицу и тебя не подстрелят, не способен охватить всего.

— Да, — кивнула Маша. — Страшный век. Жизнь могла оборваться в любой момент. Внезапно.

— И страшнее всего — именно вот эта внезапность! — горячо воскликнул Виктор Степанович. — Внезапность во всем. Люди стали как хищные звери: если ты никого не съешь — съедят тебя. Твоей двоюродной прабабушке, кстати, повезло, Машенька. В то время немногим удалось проскочить. Или пройти над бездной. Настоящих специалистов все-таки ценили. Молодая власть отчаянно нуждалась в них. Ведь не осталось никого, кроме революционного пролетариата и крестьян, которые косо смотрели на новые порядки и были готовы в любой момент взбунтоваться. А государству требовалось как-то функционировать. И поэтому привлечение спецов, пусть даже старой закалки, — стало жизненной необходимостью. Ариадна Федоровна была из их числа.

Маша знала, что когда случилась Октябрьская революция, ее прабабушке Ариадне Федоровне Бориславской исполнился двадцать один год. Она была очень талантливой девушкой, занималась биологией и делала многообещающие успехи в медицине. Могла уехать за границу, но осталась в Советской